

пріѣхали съ своими кочевками, кумысомъ, котлами и даже баранами. Дикая степь, покрытая ковылемъ, уставилась рядомъ кочевокъ и оживилась пестрой толпой. На копи-ческомъ возвышеніи, называемомъ по мѣстному шишѣ, были разосланы ковры и войлоки и на нихъ кружкомъ разсѣлись башкиры съ поджатыми подъ себя ногами. Въ серединѣ кружка изъ большаго турсука молодой баш-киръ разливалъ кумысъ и подавалъ чашку по очереди сидѣвшимъ. Это шла круговая. Пѣсни, игра на дудкѣ и на горлѣ звучали грустно и заунывно для слуха европеица. Тутъ же любители состязались въ борьбѣ. Башкиры особенно искусные борцы. Глядя на все это, я представлялъ себѣ татарское иго, тяготѣвшее въ Россіи.

Желавшіе участвовать въ скачкахъ привели тридцать лошадей, заранѣе тренированныхъ. Сѣдоками были мальчики лѣтъ десяти безъ сѣделъ. Скачка въ 50 верстъ продолжалась одинъ часъ и сорокъ минутъ; слѣдовательно каждую версту проскаакали въ двѣ минуты. Гувернеръ швейцарецъ наблюдалъ за часами. Изъ тридцати лошадей прискакало десять, остальные стали. Пиръ длился два дня и отличался замѣчательной чинностью, порядкомъ и оживленіемъ. Къ удовольствію Льва Николаевича не было никого изъ поліціи. Всѣ гости учтиво поблагодарили хозяина—графа и разѣхались очень довольные.

Даже въ толпѣ, мнѣ кажется, Левъ Николаевичъ умѣль поселить *entraîn* и уваженіе къ благонристойности.] *40*

Это было послѣднее лѣто, которымъ кончались мои каникулы. Я поступалъ на службу. Когда Левъ Николаевичъ услыхалъ, что я єду служить въ Закавказскій край, онъ сказалъ мнѣ: «ты опоздалъ на Кавказъ!».